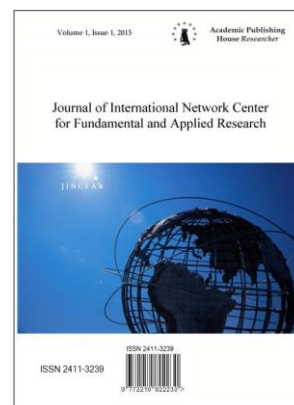

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Journal of International Network Center
for Fundamental and Applied Research
Has been issued since 2014.
E-ISSN 2413-7588
2020, 7(1): 32-45

DOI: 10.13187/jincfar.2020.1.32
www.ejournal36.com

Experience of Researching Ural Cossack Unrests of 1870s in Overall Cossack Context

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

Unrests of 1870s in the Ural Cossack Host have repeatedly attracted attention of researchers. However usually they were viewed purely in consideration with local specifics and relationships between Ural Cossacks and imperial government. Meanwhile similar, though lesser in scale unrests took place in 1860s in the Don Host. This paper undertakes an attempt to compare the processes that occurred among Ural Cossacks in 1860–1870s with analogous processes amidst Don Cossacks, as well as determine the impact of reformist designs of the Ministry of War on these processes.

Author comes to a conclusion that the events of those years in Don and in Ural advanced not only by similar scenarios, but largely in parallel. However, the strongest outbreaks of discontent befell on different chronological intervals, in 1862–1863 and 1873–1877 accordingly. However, the strongest outbreaks of discontent befell different chronological intervals, in 1862–1863 and 1873–1877 accordingly. Nevertheless, this too is explained by resemblant situation arising in precisely that periods in the administrations of Don and Ural Cossack Hosts: the post of ataman both here and there was temporarily fulfilled by people sympathizing to Cossack conservatives, to the so called «kazakomans».

Keywords: Ural Cossack Host, Don Host, Old Believers, A.D. Stolypin, P.V. Martynov.

1. Введение

Уральское казачье войско, несмотря на относительную немногочисленность, всегда стояло несколько особняком от других казачьих войск Российской империи. Этому способствовало два фактора: преобладание в среде уральцев старообрядцев над православными, а также совершенно особая система их службы, так называемая «наемка». Не удивительно, что отношения казаков-уральцев с имперскими властями были сложными и неоднозначными. Последние серьезные антиправительственные волнения имели место в Уральском казачьем войске в 1870 г., когда часть местного населения начала выступать против готовящихся реформ военной службы. Власти в конечном счете отреагировали на эти волнения крайне жестко, оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский даже писал о «желании раз и навсегда покончить с этим гнездом раскола и неповиновения властям, столько раз заявившим себя подобными преступлениями в истории России» (Агеева, Данилко, 2016: 5). В итоге в Среднюю Азию, в совершенно не знакомые казакам и достаточно сложные условия было сослано, по некоторым данным, до 7 000 человек (Агеева,

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

Данилко, 2016: 6) (впрочем, в официальных текстах Военного Министерства говорится только о 2 000 ссыльных) (Столетие..., 1902: 487). Их потомки однозначно трактуют события тех лет как религиозные гонения. Современные этнографы Е.А. Агеева и Е.С. Данилко приводят такие ответы современных уральцев Средней Азии и Казахстана на вопросы о причинах высылки полуторавековой давности: «не хотели оставить крест, вот и выслали нас», «отказывались подчиниться, веру поменять» (Агеева, Данилко, 2016: 7). Именно в контексте старообрядчества волнения 1870 г. в Уральском казачьем войске рассматривает и историк С.В. Колычев, утверждая, что оно стало «главной идеологической силой волнений 1874–1877 гг.» (Колычев, 2008: 215).

Мы не претендуем на глубокое знание истории Уральского казачьего войска, однако, на наш взгляд, специалисты по его истории демонстрируют несколько односторонний подход, не принимая во внимание очень похожие волнения начала 1860 г. в преимущественно православной Области Войска Донского. Тут следует оговорить, что в настоящее время компаративистика различных казачьих войск развита достаточно слабо, а история имперского аппарата по их управлению и вовсе специально почти не изучалась. В результате историки различных казачьих войск в принципе обычно мало учитывают внешний контекст происходивших в них событий. Поэтому нам показалось перспективным рассмотреть волнения Уральского казачьего войска 1870 г. в общеказачьем контексте, и понять, какие факторы, кроме старообрядчества, могли сыграть роль в событиях тех лет.

2. Материалы и методы

В своей статье мы будем опираться преимущественно на опубликованные материалы современников, описывающие ситуацию на Дону и на Урале в 1860–1870 гг. Дополнив эту информацию первоисточниками из ряда архивов (Российский государственный исторический архив, Российский государственный военно-исторический архив, Отдел рукописей Российской государственной библиотеки), мы применим к полученным сведениям историко-сравнительный метод, чтобы выявить сходства и различия процессов, происходивших в среде донских и уральских казаков в это время.

3. Обсуждение

Первоначальной точкой отчета для многочисленных реформ казачьих войск при Александре II стало обращение в 1856 г. в Военное Министерство донского атамана М.Г. Хомутова, который заявил о необходимости переработки действующего «Положения об управлении Донского войска» (Волвенко, 2006: 20-24). Военное Министерство, возглавляемое тогда генералом Н.О. Сухозанетом, явно не представляло, что вообще следует делать с казачьими войсками, и в 1859 г. было принято решение создать во всех войсках специальные временные комитеты для разработки новых «Положений» о их управлении, причем не было дано даже самых общих указаний о направлении их работы (Милютин, 1999: 263).

В это время уральским атаманом был А.Д. Столыпин, человек, известный историкам Уральского казачьего войска преимущественно в том же старообрядческом контексте, как ярый борец с расколом. В.Н. Витевский уже в 1878 г. писал, будто бы самая отставка А.Д. Столыпина с должности атамана была вызвана опасениями начальства по поводу того, что слишком активное обращение уральцев в православие вызовет беспорядки (Витевский, 1878: 158). Аналогичное мнение высказывает и современная исследовательница О.В. Ягудина (Ягудина, 2019: 93). Тем не менее, по свидетельствам многих современников, у уральцев А.Д. Столыпин был очень популярен. Тот же В.Н. Витевский отмечал, что бывший атаман «заслужил величайшую любовь, уважение и добрую память о себе среди казаков, которые до сих пор с непроборную благодарностью и нередко вспоминают А.Д. Столыпина – имя это, вероятно, долго еще не забудется на берегах Урала» (Витевский, 1878: 157). «Новый атаман энергично повел дело управления войском по новому пути, выдвинул вперед все молодые, талантливые личности, дав им возможность трудиться и горячо и честно на общественной ниве. В этом несомненная заслуга А.Д. Столыпина, в этом кроется та симпатия к нему и то особенно любовное отношение, с которыми вспоминают и самого атамана, и его время все современники», – писал на этот счет природный уралец Н.А. Бородин (Бородин, 1910: XL). А в местной прессе начала XX в. встречались и откровенно восторженные

характеристики этого атамана: «Ночью сидел он, раздумывая часами над судьбами казаков, творил, а утром свежий и сильный, как само казачество, шел в войсковую канцелярию, приглашал чиновников на улицу и, засучив рукава, рассаживал деревья. <...>. Он творил... Мечта неслась за мечтой. Уральцы, его дети, – гордость России»; «Незабвенный Аркадий Дмитриевич был очень похож на преобразователя России (Петра Великого – А.П.), только, конечно, в миниатюре: он старался сблизить нас с Россией, прорубить окно с Урала в Россию, чтобы мы узнали Москву и переняли отсюда все хорошее» (Изюмов, 1996: 95).

Безусловно, часть подобных текстов, особенно написанных уже в годы, когда сын А.Д. Столыпина, П.А. Столыпин, был министром Российской империи, могла содержать преувеличения. Тем не менее, очевидно, что атаман действительно пользовался огромной популярностью в войске, и именно благодаря этому, а не карательным мерам, ему удалось добиться огромных успехов в деле, как тогда выражались, искоренения раскола. Однако причиной его популярности, на наш взгляд, было как раз то, что он действовал хитростью, а не грубой силой, сначала добиваясь поддержки казаков, а затем используя ее в своих целях. Например, уже вскоре после назначения на атаманскую должность, в 1858 г., он просил следующих льгот для готовых принять православие старообрядцев, утверждая, что после их принятия начнется массовое обращение раскольников в православие: «1) церковь на особых правах, подчиняющаяся по духовным делам не епархиальному начальству, но наказному атаману, 2) выбор священника, который должен быть только рукоположен епархиальным епископом, 3) служба по старым книгам и на семи просфорах, 4) употребление своего мирра» (Рябинин, 1866: 284). Естественно, поддержки данный проект не получил: в реализации первого и последнего пункта атаману отказали (Рябинин, 1866: 284). Поставив перед собой целью уничтожить скиты приверженцев старой веры, А.Д. Столыпин предпочел организовать это путем учреждения единоверческого монастыря, поскольку «монастырь над скитами будет лучшей полицией» (Витевский, 1878: 129). Более того, атаман, воспользовавшись сложностями одного из старообрядческих скитов (жившим в нем старцам уже не хватало сил на поддержание общины), добился передачи скита единоверческой церкви, а затем за войсковой счет заложил на его месте монастырь, причем монахи тоже должны были содержаться на войсковой счет (Витевский, 1878: 129-133). После этого и в других станицах начали обсуждать возможность открытия за счет властей единоверческих храмов, а когда в Уральске пошли толки о том, что все это «только ловушка для привлечения в православие», лично атаман позвал к себе зачинщиков слухов, и всячески успокоил их (Витевский, 1878: 133-135).

Таким образом, нам остается констатировать, что А.Д. Столыпин хорошо понимал уральских казаков и был очень активным администратором. И вполне предсказуемо, что он активно занялся разработкой нового «Положения» для Уральского казачьего войска. К началу 1862 г., согласно воспоминаниям Д.А. Милютин, проект этого документа был не только составлен, но и даже отпечатан (Милютин, 1999: 481). К сожалению, в другой литературе и в опубликованных источниках нам не удалось найти никаких сведений о конкретном содержании данного текста. Однако, как считает авторитетный историк А.А. Волвенко, именно А.Д. Столыпин под псевдонимом «Ст» опубликовал в 1861 г. в «Военном сборнике» цикл статей под названием «По поводу открытий комитетов для пересмотра положений в казачьих войсках» (По поводу открытий..., 1861a: 201-210; По поводу открытий..., 1861b: 423-432). В этих статьях содержался весьма своеобразный взгляд на казачество. Уральский атаман доказывал, что «казачество нужно России не как сословие, а как оружие» (По поводу открытий..., 1861a: 204). Расшифровывая эту мысль, он давал такой совет местным комитетам в казачьих войсках: «Да не увлекутся они рутинной с одной стороны, ложным местным патриотизмом – с другой; пусть они проникнутся мыслью, что точно так, как казачеству как оружию местная национальность и иррегулярность – необходимые жизненные условия, казачеству как сословию – они вредны; гражданское управление казаками, в противоположность от военного, должно быть основано на научных истинах, но общечеловеческих началах и на строгой регулярности» (По поводу открытий..., 1861a: 207).

О гражданском устройстве казачьих войск А.Д. Столыпин обещал поговорить в последующих статьях, так и не написанных (По поводу открытий..., 1861a: 210). В военном же отношении он давал весьма своеобразные рекомендации, вероятно, более чем

отвечающие желаниям уральцев: 1) разрешить казакам носить максимально традиционную местную форму; 2) аналогичным образом позволить каждому войску свои традиционные седла и прочее снаряжение для верховой езды; 3) восстановить разнообразие и щегольство в оружии, дозволить его самостоятельную покупку казаками; 4) поддержать сохранение казачьих пород лошадей; 5) заменить смотры военными станичными праздниками (По поводу открытий..., 1861a: 207-210). Собственно, вторую статью уральский атаман посветил частным проблемам казачьего коневодства, а дальнейшего продолжения не последовало (По поводу открытий..., 1861b: 423-432).

Возможно, это было связано с тем, что в том же номере «Военного сборника», что и его вторая статья, был опубликован анонимный отзыв на первую самого критического характера. Неизвестный автор обрушился на самый афоризм о том, будто бы «казачество нужно России не как сословие, а как оружие», сравнивая его с высказыванием «сабля полезна солдату не как полоса стали, а как оружие» (Заметка..., 1861: 443). В целом, логика этой статьи была крайне консервативной: если А.Д. Столыпин в последующих текстах, очевидно, предполагал предложить некие реформы казачества, направленные на «регуляризацию» его гражданской жизни, на уничтожение казачества как сословия при сохранении его как оружия, то его оппонент полностью отрицал необходимость этого. «Каждое лицо и сословие обязаны священным долгом приносить отечеству наибольшую, по возможности, пользу. При утвердившихся у нас опытом веков главных условиях устройства казачьего сословия эта цель достигается, а потому условия эти необходимо сохранить неприкосновенными» (Заметка..., 1861: 444).

С другой стороны, как раз в конце того же 1861 г. военным министром стал Д.А. Милютин, немедленно начавший разработку единой правительственной программы реформ казачьих войск. И к 1862 г. эта программа, получившая название «Соображений учрежденного при Управлении Иррегулярных войск Комитета о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках», была готова (ОР РГБ. Ф. 169. Кар. 23. Ед. хр. 20. Л. 1-20). Ее появление мгновенно лишило актуальности собственные наработки А.Д. Столыпина. В этой программе тоже предполагалось серьезно реформировать казачество, выражаясь терминологией уральского атамана, как сословие, более того, предполагалось «по двоякому значению казачьих населений: военному и гражданскому, иметь в виду преимущественно развитие их в последнем значении, с тем однако же, чтобы выставляемые казачьими населенными строевые части имели надлежащее военное устройство и с успехом исполняли возложенные на каждое войско обязанности» (ОР РГБ. Ф. 169. Кар. 23. Ед. хр. 20. Л. 1). Однако милютинская и столыпинская программы реформ казачества, совпадая в признании необходимости гражданских реформ, кардинально различались в деталях. Об этом можно судить по тому, что Д.А. Милютин охарактеризовал проект А.Д. Столыпина как «крайне своеобразный», настолько, что «не было возможности дать ему ход» (Милютин, 1999: 481). И, согласно мемуарам военного министра, уральский атаман ушел с должности вовсе не потому, что начальство не одобряло его политики по искоренению раскола. А.Д. Столыпин сам подал прошение о увольнении, «обиженный неудачей» своих планов по реформированию Уральского казачьего войска (Милютин, 1999: 481).

И здесь мы переходим к самому любопытному. Дело в том, что только в двух казачьих войсках милютинская программа реформ встретила неодобрение с самого начала. И именно в этих войсках в 1860-1870 гг., как мы увидим ниже, отмечались серьезные беспорядки. Трудно не связать эти два факта. Но при этом сам военный министр в обоих случаях связывал первоначальное неодобрение не с профессиональным составом войска и не с его социальным устройством, но с конкретными персоналиями. Вторым оппозиционным войском стало Войско Донское, в котором недовольных возглавил начальник штаба, князь А.М. Дондуков-Корсаков (Милютин, 1999: 481).

Мы не будем останавливаться на его деятельности среди донских казаков, тем более что ей посвящена специальная статья А.А. Волвенко (Volvenko, 2015a: 19-37). Просто отметим, что между А.Д. Столыпиным и А.М. Дондуковым-Корсаковым было много общего: это были активные, настроенные на проведение реформ генералы, стремящиеся к популярности в казачьей среде и добивающиеся ее за счет личных контактов с представителями местной интеллигенции и даже с простыми казаками. А.М. Дондуков-

Корсаков тоже предлагал свои проекты реформ казачества, ставшие неактуальными с назначением Д.А. Милютин военным министром (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 113). И он тоже в 1862 г. был вынужден покинуть должность в своем казачьем войске, только сделал это не добровольно (Volvenko, 2015a: 31). Между тем даже поддержавшее милютинскую программу реформ руководство Оренбургского казачьего войска отмечало, что проводить ее в жизнь следует с крайней осторожностью, заботясь о том, чтобы не вызвать волнений в казачьей среде. «У русского простолюдина в натуре ничему не доверять и скорее видеть во всем дурное, нежели хорошее. Оренбургское войско, которое хотя в нравственном отношении и стоит выше крестьянских масс, потому, что в нем распространена грамотность, но эта грамотность без научности едва ли не вреднее, чем невежество, все-таки более покорное и сговорчивое при введении чего-либо нового. <...>. В настоящем деле не может не представиться вопрос: какое впечатление может произвести на массу приготовленная для нее новая жизнь» (ОР РНБ. Ф. 748. Ед. хр. 3. Л. 20б.). Очевидно, что в условиях предполагаемых Д.А. Милютиным масштабных реформ казачества было очень важно подготовить самих казаков к ним, сделать так, чтобы преобразования не вызывали неприятия снизу. Однако на Дону местная администрация, фактически руководимая А.М. Дондуковым-Корсаковым (атаман М.Г. Хомутов к этому времени частично отошел от дел), не только не приняла необходимых мер, но и, по некоторым сведениям, сама распространяла компрометирующие слухи о грядущих реформах: для успокоения станиц в них посылали офицеров и чиновников, которые фактически и пугали казаков рассказами о предстоящих реформах, о которых до этого местные жители и не подозревали (Панаев, 1903: 149-150). Едва ли и А.Д. Столыпин популяризировал не понравившуюся ему милютинскую программу реформ, а его уход в отставку вообще явно дестабилизировал ситуацию, тем более, что незадолго до этого, как раз в 1862 г., состав войсковой канцелярии был обновлен и в него вошли многие «молодые, талантливые личности», поддерживаемые атаманом (Бородин, 1910: XL).

Разница была только в том, что недовольство донских казаков сразу оказалось направлено непосредственно против Военного Министерства и присланного им проекта реформ, в котором увидели угрозу исконным казачьим правам. «Не могу припомнить, когда именно этот проект прислан из Петербурга на заключение войскового начальства; знаю только, что в начале 1862 года в Новочеркасске уже громко трактовали об ожидаемом нарушении казачьих привилегий», – сообщал известный донской общественный деятель А.А. Карасев (Карасев, 1900: 169). Особый страх вызывала перспектива создания особой группы «гражданских казаков», освобожденной от службы в обмен на уплату особых денежных сборов, в которой многие видели первый шаг к «обращению казаков в мужиков» (Карасев, 1900: 169). В итоге на Дону сложилось две партии: сторонников правительственных реформ и защитников казачьих традиций, которых стали называть «казакоманами» (Volvenko, 2015a: 19-37; Volvenko, 2015b: 94-107; Volvenko, 2015c: 194-207). В свою очередь, Военное Министерство восприняло попытку казаков защитить свои исторические права от возможного на них посягательства как «как угрозу правительству бунтом» (Карасев, 1900: 170). Сам Д.А. Милютин в 1863 г. в кулуарной беседе задал риторический вопрос: «не посылать же войска для усмирения казаков?», а А.М. Дондукова-Корсакова рассматривали как человека, способного (и желающего) взбунтовать донских казаков (Volvenko 2015a: 32). Однако конфликт с Донским Войском в условиях начавшегося восстания в Польше был совершенно не с руки империи, и в 1863 г. ему была дарована высочайшая грамота, подтвердившая «все права и преимущества» Войска Донского, включая «нерушимость настоящего образа его служения», «неприкосновенность всех выгод, угодий и окружности владений его», что привело к успокоению ситуации (Волвенко, 2014: 17).

В случае же с Уральским казачьим войском, конфликт между сторонниками правительственных реформ и защитниками казачьих традиций принял совершенно иные формы, из-за чего недовольство казаков оказалось направлено не на Военное Министерство, но на нового атамана, В.Д. Дандевилля. Тем не менее, по основной идее донской и уральский конфликты были очень схожи: идейного лидера уральской казачьей оппозиции, писателя И.И. Железнова, даже именовали «казакоманом», подобно донским оппозиционерам (Бородин, 1910: XVIII). Просто на Урале возникла более очевидная проблема, чем проект будущих масштабных реформ: сменивший А.Д. Столыпина на атаманском посту В.Д. Дандевиль сразу же после назначения начал готовить размежевание земель уральцев с

киргизами и илецкими казаками, причем часть земли была немедленно отобрана у уральцев (Бородин, 1910: XLIV-XLIX). В ответ на это войсковой прокурор П.В. Мартынов отправил жалобу на действия атамана в Министерство Юстиции, а войсковая канцелярия начала в ультимативной форме требовать у В.Д. Дандевиля объяснений (Бородин, 1910: XLIX-LI). Интересно, что И.И. Железнов прямо писал в частных письмах, что корни начавшегося конфликта не в личности атамана, а «в его действиях, противных интересам казачества» (Бородин, 1910: LI). В итоге, если в Области Войска Донского в 1862 г. местная администрация на какое-то время фактически оказалась под контролем оппозиции реформам казачества, то в Уральском казачьем войске в 1862–1863 гг. оппозиционеры были быстро и грубо разгромлены. П.В. Мартынова перевели в Оренбургское казачье войско, а И.И. Железнов вообще покончил с собой после перевода с административной должности в строевой полк (Бородин, 1910: LI, LX-LXI). Тем не менее, по мнению В.Д. Дандевиля, опасность на этом не закончилась. Он интерпретировал самоубийство И.И. Железнова следующим образом: «глава оппозиции застрелился, и можно ждать волнения среди казаков», и в Уральск на всякий случай даже был вызван оренбургский генерал-губернатор А.П. Безак (Бородин, 1910: LXIII). Поэтому понятно, почему и в Уральском казачьем войске власти были вынуждены пойти на уступки, хотя и не такие масштабные, как на Дону, и в 1864 г. В.Д. Дандевиль покинул Уральск. «Похороны Железнова походили на манифестацию против атамана. После того Дандевиль не мог более оставаться и просил уволить его от управления Уральским войском», – так описывал ситуацию один из преемников атамана, Н.А. Веревкин (Гейнс, 1898: 27). Следующие же два атамана, М.Н. Толстой и Д.И. Романовский, начали курс на успокоение казаков, и тот же Н.А. Веревкин жаловался, что они «избаловали войско», особенно Д.И. Романовский, за несколько месяцев атаманства успевший «наобещать направо и налево целые кучи благоденствий» (Гейнс, 1898: 26).

Итак, вслед за конфликтами А.М. Дондукова-Корсакова и А.Д. Столыпина с Д.А. Милютиным на территориях Донского и Уральского казачьих войск развернулись конфликты между сторонниками преобразований и защитниками исконных казачьих прав и привилегий. И победа, по крайней мере частичная, осталась за последними: донским казакам вообще высочайше гарантировали неприкосновенность их привилегий, в первую очередь, «образа служения», а уральцы, по крайней мере, добились снятия В.Д. Дандевиля и пересмотра атаманской политики по отношению к ним.

И в этих условиях Военное Министерство приняло решение о создании специального «Временного комитета по пересмотру казачьих положений» в Санкт-Петербурге. Статью об этом интереснейшем органе недавно написал А.А. Волвенко (Volvenko, 2018: 280-291). Предполагалось, что входящие в его состав депутаты от казачьих войск под председательством начальника Управления иррегулярных войск (УИВ) Н.И. Карлгофа сумеют выработать оптимальную программу реформ российского казачества, которая удовлетворит все стороны. Таким образом, вероятно, в том числе и из-за недовольства на Дону и на Урале Д.А. Милютин отказался от немедленной реализации своего проекта реформ казачества. Депутаты во Временный комитет отбирались войсковыми администрациями, но и здесь Донское и Уральское казачьи войска снова продемонстрировали явную оппозиционность правительству. Трое предложенных донским атаманом А.Л. Потаповым для представительства офицеров взяли самоотвод, а торговые казаки, свободно осуществлявшие выборы, выбрали старообрядца (Volvenko, 2018: 283). Но еще ярче проявили себя уральцы. Как отмечал Н.И. Карлгоф, уральский атаман (судя по хронологии, уже Н.А. Веревкин) вместо того, чтобы лично назначить хотя бы относительно лояльного властям депутата, дозволил выбрать его обществу офицеров (ОР РГБ. Ф. 169. Кар. 23. Ед. хр. 19. Л. 12). И это общество избрало для представительства интересов уральцев того самого войскового прокурора П.В. Мартынова, который открыто конфликтовал с В.Д. Дандевилем, и, как мы помним, официально был наказан за это (ОР РГБ. Ф. 169. Кар. 23. Ед. хр. 19. Л. 7, 12). Судя по переписке Н.И. Карлгофа с Д.А. Милютиным, сам начальник УИВ даже не рассматривал возможности того, что избранный от уральцев «Мартынов» и П.В. Мартынов – одно лицо, пока уральский депутат не прибыл в Санкт-Петербург. Генерал оправдывал себя тем, что у казачьих офицеров «множество именных фамилий», а не допустить открытого оппозиционера до членства во Временном комитете по

пересмотру казачьих положений должно было местное начальство (ОР РГБ. Ф. 169. Кар. 23. Ед. хр. 19. Л. 12). В комитете П.В. Мартынов оказался единственным убежденным сторонником «старой казачьей партии», т.е., «казакоманов», безусловных защитников казачьих традиций (ОР РГБ. Ф. 169. Кар. 23. Ед. хр. 19. Л. 7). Тем не менее, Н.И. Карлгоф, отметив ум уральца, его сдержанность, убежденность, оригинальность и разумность его доводов, добился того, что П.В. Мартынов так и остался представителем интересов своего войска в Военном Министерстве (ОР РГБ. Ф. 169. Кар. 23. Ед. хр. 19. Л. 12).

Из переписки Н.И. Карлгофа с Д.А. Милютиним также видно, что уже в 1867 г. донские и уральские депутаты во Временном комитете выступили против важнейшей правительственной идеи о реформе воинской повинности казаков. Как мы упоминали выше, Военное Министерство хотело отойти от поголовности казачьей службы, создав особую группу «гражданских казаков». В «Соображениях учрежденного при Управлении Иррегулярных войск Комитета о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках» на этот счет дословно сообщалось следующее: «Не естественно положение того общества, в котором все члены составляют одно только военное сословие, обязанное во всякое время иметь в готовности оружие и по первому требованию выступать поголовно в полном снаряжении на собственный счет. <...>. Вывести казачьи населения из такого ложного положения возможно только ограничением численности военного сословия определенной нормою, с тем, чтобы избыток казачьего населения был освобожден от обязательной службы даже и в чрезвычайных случаях, и, оставаясь в числе граждан своего края, мог свободно обратиться к другим занятиям», – сообщалось в документе (ОР РГБ. Ф. 169. Кар. 23. Ед. хр. 20. Л. 3). Реакция на данное предложение в различных казачьих войсках была совершенно разной. На Дону, как мы помним, данную меру трактовали как первый шаг к «обращению казаков в мужиков», что и вызвало недовольство. В Уральском казачьем войске, очевидно, А.Д. Столыпин и В.Д. Дандевиль смогли удержать потенциально способное возмутить казаков предложение Военного Министерства в тайне. Во всяком случае, современник, А.Д. Рябинин, писал о том, что окончательные (после отставки А.Д. Столыпина) предложения местного комитета по пересмотру «Положения» о управлении Уральского казачьего войска абсолютно не доступны широкой публике, и поэтому ничего сказать о них нельзя (Рябинин, 1866: 88). А вот в Оренбургском казачьем войске идея полностью освободить часть казаков от службы за выкуп встретила полную поддержку. Уже в 1863 г. местный комитет по пересмотру «Положения» ходатайствовал о ограничении числа подлежащих призыву оренбургских казаков с тем, чтобы остальные за денежный налог были полностью освобождены от военной службы (Волвенко, 2016: 70).

И вот что писал Н.И. Карлгоф о дискуссиях во Временном комитете по пересмотру казачьих положений на рубеже 1866–1867 гг., дискуссиях, посвященных вопросу о предстоящих реформах воинской службы казаков: «При рассмотрении в комитете проектируемых в разных казачьих войсках систем отправления воинской повинности, нельзя было обойти и оренбургскую систему. Все депутаты, за исключением донских и уральских (курсив наш – А.П.), отдали ей преимущество перед другими системами» (ОР РГБ. Ф. 169. Кар. 23. Ед. хр. 19. Л. 15). Позиция консервативного П.В. Мартынова в данном случае совершенно понятна: судя по всему, он доказал Н.И. Карлгофу, что у уральцев «нельзя коснуться до принятой системы наемки, не перевернув вверх дном весь общественный их порядок» (ОР РГБ. Ф. 169. Кар. 23. Ед. хр. 19. Л. 15об.). Сложнее понять, почему против Военного Министерства пошли назначенные с Дона лояльные властям казачьи депутаты, включая А.П. Чеботарева, занимавшего высокие посты в УИВ и крайне непопулярного на родине за мнения, часто идущие вразрез с позицией «казакоманского» большинства казаков. Их внятной аргументации Н.И. Карлгоф не приводит, зато утверждает, что донские депутаты выступали вопреки своим истинным убеждениям «из опасения подвергнуться негодованием своих войсковых обывателей» (ОР РГБ. Ф. 169. Кар. 23. Ед. хр. 19. Л. 15об-16). Таким образом, если большинство казачьих войск было готово пойти на эксперименты с системой службы, уральцы и донцы заняли крайне жесткую позицию в этом вопросе. И результатом этого стало то, что «оренбургская», или, как ее еще называли, конскрипционная система службы на рубеже 1860–1870 гг. была введена во всех крупнейших казачьих войсках, кроме Донского и Уральского: в 1867 г. ее ввели в

Оренбургском казачьем войске, в 1871 г. в Кубанском, Терском и Сибирском казачьих войсках, а в 1872 г. в Забайкальском и Астраханском войсках.

И беспорядки в Уральском казачьем войске в 1870 гг. нужно рассматривать именно в контексте всего написанного выше. Если большинство казачьих войск уже в 1862 г. продемонстрировало принятие милютинского плана реформ, рассматривая его как попытку улучшить положение казаков, то донцы и уральцы сразу обозначили непокорность. Оппозиция этих двух казачьих войск Военному Министерству и желание их элит отстаивать свои исторические права сохранялись и в дальнейшем. А важнейшей проблемной областью для казаков оппозиционных войск стала борьба с конскрипционной системой службы, которую в других войсках Военное Министерство успешно ввело. Но, если на Дону ситуацию сильно успокоила высочайшая грамота 1863 г., гарантировавшая донцам как раз «нерушимость настоящего образа служения», то уральцы подобной грамоты не получили, и, очевидно, имели основания опасаться, что рано или поздно «конскрипция» будет распространена и на них.

Однако конскрипционная система службы не оправдала возлагаемых на нее Военным Министерством надежд. Забегая вперед, укажем, что в 1875 г. командование оренбургского военного округа подготовило новый проект преобразования военной службы оренбургских казаков. В преамбуле к нему сообщалось, что пересмотр конскрипционной системы необходим с чисто военной точки зрения: в ее рамках Оренбургское казачье войско выставляло неоправданно много пеших батальонов, а вот общая численность казаков служилого состава, реально способных выйти на службу, была преувеличена (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1854. Л. 1). Очевидно, осознание того, что конскрипционная система далека от идеала, пришло к высшему начальству уже в 1871 г.: в этом году в Донское Войско была направлен для обсуждения план военной реформы, в дальнейшем легший в основу системы службы всех казачьих войск, кроме как раз Уральского (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 1). Этот план предполагал возврат к традиционной поголовности казачьей службы, но ее предлагалось сделать однократной и значительно сократить (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 1-10б.). Естественно, что на Дону этот план в целом одобрили, возможно, именно потому, что он представлял намного более традиционную альтернативу конскрипционной системе службы, и к 1875 г. он был доработан и начал вводиться в действие (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 1-610б.). А в 1876 г. Государственный совет одобрил распространение донской системы службы на другие казачьи войска (РГИА. Ф. 1246. Оп. 1. Год 1876. Д. 9. Л. 8-9).

Судя по всему, в начале 1870 гг. Военное Министерство само не понимало, какой видит будущую систему военной службы казаков. Иначе его метания трудно объяснить: зачем было в 1871–1872 гг. вводить конскрипционную систему службы в пяти казачьих войсках, чтобы уже в 1876 г. принять принципиальное решение о ее замене более традиционной поголовной системой службы? Похоже, если в 1860 гг. УИВ делало ставку на «оренбургскую», конскрипционную систему службы, то в начале 1870 гг. оно предоставило инициативу в этом вопросе местным властям. В частности, в 1872 г. на Кубань был отправлен тот же план военной реформы, который год назад одобрили на Дону, однако здесь войсковые власти его отвергли без каких-либо последствий для себя (фактически, разработанная на Дону система службы была введена в кавказских казачьих войсках только в 1880 гг.) (Малукало, 2003: 91-92). В этих условиях и уральцам официально разрешили сохранить столь важную для них наемку, не меняя ее основных принципов, но только адаптировав к изменившимся условиям.

Официальное «Столетие Военного Министерство» трактовало принципы, легшие в основу военной реформы Уральского казачьего войска, так: «Издавна установленный в Уральском казачьем войске способ отбывания воинской повинности посредством наемки был выгоден в экономическом отношении, давая казаку возможность не только снарядиться на службу без расстройства своего хозяйства, но и обеспечить семейство на время своего отсутствия. Но невыгодная сторона этого порядка заключалась в том, что в строевом составе войска всегда были казаки, не отбывшие действительной службы, и, при мобилизации в военное время всех выставляемых войском строевых частей, в них могли войти люди, вовсе незнакомые с военным делом. <...>. В устранение вышеуказанной невыгоды этого способа, было постановлено, чтобы все казаки, в первые три года по зачислении в полевой разряд, прослужили, по крайней мере, один год или в строевых частях, или в учебной сотне»

(*Столетие...*, 1902: 482). Таким образом, именно преобразования в Уральском казачьем войске, осуществленные в 1874 г., стали рубежными для милютинских реформ казачества: они произошли до реформы поголовной системы воинской службы в Войске Донском, и, таким образом, стали первой реформой системы службы в казачьих войсках, осуществленной с момента назначения Д.А. Милютин военным министром и не предполагавшей введения конскрипции.

Все вышесказанное – многолетняя борьба уральцев против изменения своей системы службы, недавнее введение конскрипционной системы службы в пяти казачьих войсках и, наконец, просто отсутствие прецедентов, когда действующее руководство Военного Министерства развивало традиционные системы казачьей службы вместо введения экспериментальных – хорошо объясняет априори негативное отношение в Уральском казачьем войске к предстоящей реформе. Нужно сказать, что имперские власти, очевидно, понимали возникшую опасность. Во всяком случае, еще до обнародования нового Положения о военной службе местным чиновникам было приказано «ознакомить казаков с главными основаниями» предстоящих преобразований, и станичные атаманы сообщали, будто бы «объявленное понято разумно и принято спокойно» (*Столетие...*, 1902: 483).

Однако все эти меры оказались тщетными, и реформа вызвала сильнейшее недовольство уральских казаков. Мы не будем останавливаться на дальнейших событиях подробно, поскольку данный сюжет достаточно изучен в историографии. Просто отметим, что, подобно донским казакам в начале 1860 гг., уральцы испугались, что военная реформа станет шагом к уничтожению их войска. Согласно В.Н. Витевскому, в станицах пошли слухи, будто бы «переселят к ним из внутренних губерний крестьян, между которыми и разделят войсковую землю и луга» (*Витевский, 1878: 203*). Разумеется, новое положение о военной службе ничего подобного не предусматривало. Но более ранние проекты Военного Министерства действительно предполагали возможность передачи крестьянам части казачьих земель. Снова процитируем «Соображения учрежденного при Управлении Иррегулярных войск Комитета о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках»: «Войско могло бы, за определением земли для общинного пользования в количестве, необходимом для надела служилых казаков, остальные земли продавать постепенно или отдавать в оброчное содержание, не только казакам, освобожденным от обязательной службы, но и посторонним людям, предоставляя впрочем в этом случае преимущество первым. Прямым последствием такой меры было бы значительное увеличение в крае народонаселения, а вместе с тем прилив рабочих рук, развитие земледелия и вообще богатств страны» (*ОР РГБ. Ф. 169. Кар. 23. Ед. хр. 20. Л. 30б.*). Похоже, после десятилетия борьбы с конскрипционной системой службы и с введением разряда «гражданских казаков» Уральское казачье войско оказалось просто не готово к тому, что Военное Министерство внезапно и быстро откажется от прежней политики, и просто чуть скорректирует существующую систему наемки. А затем, как, на наш взгляд, совершенно верно отмечал В.Н. Витевский, «старая вера» просто послужила «оплотом против всех военнoгражданских реформ, направленных к слиянию и уравниению казаков с остальным населением России», став знаменем беспорядков (*Витевский, 1878: 221*).

Кроме того, дестабилизации ситуации сильно способствовало то, что в Уральском казачьем войске 1874 г. точно так же не было атамана и его временно замещали нижестоящие чиновники, как и на Дону в 1862 г. При этом эти чиновники если и не находились в прямой оппозиции к правительству, то, во всяком случае, от них изначально стоило ожидать определенного сочувствия к недовольным. Вместо отбывшего для лечения Н.А. Веревкина атаманскую должность временно исполнял К.Ф. Бизянов, уральский казак по происхождению, в 1862 г. третьим, наряду с И.И. Железновым и П.В. Мартыновым, вступивший в конфликт с В.Д. Дандевилем из-за нападений последнего на права уральских казаков (*Бородин, 1910: LI*). В Уральске в это время был и П.В. Мартынов, по-прежнему представлявший войско в Военном Министерстве (*Столетие...*, 1902: 483). Не удивительно, что уже современники отмечали крайнее своеобразие их действий.

Как мы помним, донские власти в 1862 г. обвиняли в том, что они фактически сами распространяли компрометирующие слухи о предстоящих реформах среди казаков, дестабилизируя ситуацию. Уральские власти в 1874 г., вероятно, из самых лучших побуждений, повторили ту же ошибку. Во всяком случае, в 1881 г. уральцы жаловались

сенатору М.Е. Ковалевскому, что, если бы новое Положение просто ввели, не спрашивая их мнения, то они «нововведения как следует и не заметили бы: так мало нарушало оно наши старые порядки» (Сандр, 1905: 12). Однако вместо этого местные чиновники «во всех станицах собирали казаков и задавали нам такой вопрос: «Хотите ли вы принять новое Положение, или нет?» (Сандр, 1905: 12). Понятно, что, в условиях априорного страха перед предстоящими реформами и желанием защитить традиционный образ службы, такие сборы только способствовали распространению слухов и дальнейшей дестабилизации ситуации. Вполне логично и то, что уральские власти в 1874 г. если и не скрыто поддерживали недовольных, подобно донским в 1862 г., то, по крайней мере, пытались решить дело без решительных и жестоких мер. Первоначально К.Ф. Бизянов сообщал вышестоящему начальству, что у недовольных «единомышленников очень немного, во всяком случае не больше сотни, притом наиболее невежественных и грубых казаков, и что все прочее казачье население вполне благонадежно» (Сандр, 1905: 9). Более того, когда масштаб конфликта уже стал понятен, К.Ф. Бизянов и П.В. Мартынов, напоминая казакам о ответственности за неисполнение указов правительства, в то же время собрали в Уральске большой сход, на котором уговаривали казаков решить дело миром и вскоре после этого отпустили уже было арестованных главных зачинщиков, «как ни в чем не виновных», допустивших ошибку «исключительно по легкомыслию» (Сандр, 1905: 11). Наконец, возможно, кризису способствовало и то, что замещающие атамана чиновники были ограничены в своих полномочиях (Сандр, 1905: 8).

В итоге ситуация развивалась самым неудачным для уральцев образом. Местные власти около двух месяцев уговаривали казаков принять новые законы (Столетие..., 1902: 483-484). Вероятно, это, а также случаи в 1860 гг., когда Военное Министерство шло на уступки казакам, способствовало распространению конфликта. А потом в Уральск лично прибыл отказавшийся от диалога и начавший реализовывать самые жесткие меры оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский (буквально сразу по его прибытию 27 человек были приговорены к ссылке в Сибирь или арестантские роты) (Витевский, 1878: 205). Но уральцы продолжали сопротивление, надеясь на победу, как в 1860 гг.: ходатаи отправлялись даже к императору, причем, согласно «Столетию Военного Министерства», «возвращение их, не смотря на сделанное об аресте распоряжение, не арестованными и распущенные ими слухи вновь крайне неблагоприятно подействовали на расположение умов» (Столетие..., 1902: 485). Увы, если в 1863 г., в условиях восстания в Польше, Военное Министерство не решилось направлять надежные части против многочисленного Донского Войска, то в 1874 г. проблему непокорности маленького Уральского казачьего войска решили радикально, введя на его территорию регулярные подразделения и выслав тысячи казаков в Среднюю Азию (Столетие, 1902: 484-487).

И завершить этот раздел нашей статьи мы бы хотели двумя небольшими таблицами, наглядно демонстрирующими близость процессов, происходивших в Донском и Уральском казачьих войсках в 1860 – начале 1870 гг.

Таблица 1. Сравнительная хронология некоторых процессов в Донском и Уральском казачьих войсках в 1857–1875 гг.

	Войско Донское	Уральское казачье войско
1857–1859 гг.	Прибытие на Дон А.М. Дондукова-Корсакова.	Назначение А.Д. Столыпина атаманом.
1860 г.	Начало работы комитета для пересмотра войскового «Положения»; А.М. Дондуков-Корсаков становится начальником войскового штаба.	Начало работы комитета для пересмотра войскового «Положения».
1861 г.	А.М. Дондуков-Корсаков активно участвует в разработке проектов реформ войска.	А.Д. Столыпин активно участвует в разработке проектов реформ войска.
1862 г.	После составления в Военном Министерстве программы грядущих реформ А.М. Дондуков-Корсаков покидает должность; начинаются выступления в защиту традиционных казачьих прав.	После составления в Военном Министерстве программы грядущих реформ А.Д. Столыпин покидает должность; начинаются выступления в

		защиту традиционных казачьих прав.
1863–1864 гг.	Ситуация стабилизируется, в том числе за счет уступок властей (высочайшая грамота с гарантией казачьих прав).	Ситуация стабилизируется, в том числе за счет уступок властей (уход В.Д. Дандевиля с атаманской должности, уступки его преемников).
1865–1870 гг.	Большинство чиновников, назначенных во «Временный комитет по пересмотру казачьих положений», берут самоотвод; донцы в его составе отказываются принять конскрипционную систему службы.	Во «Временный комитет по пересмотру казачьих положений» избран заведомый оппозиционер П.В. Мартынов; он отказывается принять конскрипционную систему службы.
1870–1875 гг.	Власти идут на уступки, и дают возможность сохранить в основных чертах традиционную систему службы.	Власти идут на уступки, и дают возможность сохранить в основных чертах традиционную систему службы.

Таблица 2. Схожие детали первого этапа беспорядков в Донском Войске в 1862–1863 гг. и в Уральском казачьем войске в 1874–1877 гг.

	Войско Донское	Уральское казачье войско
Ситуация в администрации.	Атаман отсутствует, должность исполняет начальник штаба.	Атаман отсутствует, должность исполняет чиновник-казак.
Общественная позиция и. д. атамана.	Открытая консервативная оппозиция Военному Министерству.	При личной лояльности Военному Министерству симпатия к защитникам казачьих традиций.
Информационная политика местной власти.	Распространение компрометирующих слухов о предстоящих реформах.	Сборы казаков для обеспечения поддержки ими планируемых реформ ведут к распространению слухов.
Карательная политика местной власти	Фактическая поддержка недовольных.	Попытка договориться с недовольными без строгих карательных мер.

4. Заключение

Нам остается констатировать, что, если рассматривать волнения в Уральском казачьем войске в 1870 гг. не в местном контексте, но в контексте всех казачьих войск Российской империи, акценты сильно сместятся. Окажется, что многие процессы в среде уральских и донских казаков развивались параллельно. Защита частью местных чиновников казачьих прав, антиправительственные волнения, страх перед «обращением казаков в мужиков» – все это имело место и на Дону, и на Урале. Только главная вспышка недовольства припала на разные хронологические промежутки, на 1862–1863 гг. и на 1874–1877 гг. соответственно. Однако и этому была своя причина – недовольство начало развиваться в схожих условиях, когда новый проект реформ из Санкт-Петербурга прибыл в войско в момент отсутствия атамана и исполнения его должности человеком, сочувствующим местным защитникам казачьих традиций.

И если смотреть с подобных позиций, старообрядчество уральцев будет только одним из факторов волнений 1874–1877 гг., фактором важным, но едва ли важнейшим. Мы бы скорее говорили о том, что старообрядчеством объясняются различия между донскими и уральскими событиями, а вот общее между ними нужно объяснять иными факторами. И, значит, сам факт волнений в двух войсках следует связать с желанием казаков этих войск защитить свои традиции, а старообрядчество выступало при этом скорее в качестве своеобразного знамени уральских недовольных, причем знамени в принципе заменимого (на Дону, где старообрядцев было меньше, казаки просто выступали в защиту прежних порядков напрямую). А «главной идеологической силой» волнений 1862–1863 гг. и 1874–1877 гг. скорее выступало начавшее формироваться «казакоманство», специфическая казачья идеология, основой которой стала защита исторических казачьих прав.

Эти выводы пока носят предварительный характер, но об одном можно говорить точно: сравнение процессов, происходивших в Донском и Уральском казачьих войсках в 1860–1870 гг. представляет значительный интерес и может привести к новым историческим открытиям.

Литература

- Заметка...**, 1861 – Заметка по поводу статьи о казачестве // *Военный сборник*. 1861. № 2. С. 433-444.
- Агеева, Данилко, 2016** – Агеева Е.А., Данилко Е.С. Казаки-уральцы – этнолокальная группа русских в Средней Азии и Казахстане. М., 2016. 32 с.
- Бородин, 1910** – Бородин Н.А. Иосиф Игнатьевич Железнов. Биографический очерк / *Полное собрание сочинений И.И. Железнова*. Т. I. СПб., 1910. С. I-LXXIV.
- Витевский, 1878** – Витевский В.Н. Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военногражданской власти в XVIII и XIX в. Казань, 1878. 236 с.
- Волвенко, 2014** – Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860-1870 гг.) // *Известия Самарского центра Российской академии наук*. Т. 16. №3. 2014. С. 12-20.
- Волвенко, 2016** – Волвенко А.А. Концепция войскового (неслужилого) гражданина: замыслы и практика (1860–1870-ые гг.) // *Primo Aspectu*. 2016. № 4 (28). С. 68-71.
- Волвенко, 2006** – Волвенко А.А. Нереализованный проект Положения о войске Донском // *Научная мысль Кавказа*. 2006. № 1. С. 20-24.
- Гейнс, 1898** – Гейнс А.К. Дневник 1866 года. Путешествие в Туркестан / *Собрание литературных трудов*. Т. II. СПб, 1898. 741 с.
- Изюмов, 1996** – Изюмов А.И. Атаман, реформатор и просветитель // *Военно-исторический журнал*. 1996. № 5. С. 93-96.
- Карасев, 1900** – Карасев А.А. Бунт на Дону в 1862–1863 годах // *Исторический вестник*. 1900. № 80. С. 167-174.
- Кольчев, 2008** – Кольчев С.В. Военно-гражданские реформы Александра II в Уральском казачьем войске в 1874-1877 гг. и их последствия: Дисс. ... канд. истор. наук. М., 2008. 215 с.
- Малукало, 2003** – Малукало А.Н. Кубанское казачье войско в 1860-1914 гг.: организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус. Краснодар, 2003. 216 с.
- Милютин, 1999** – Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860-1862. М., 1999. 559 с.
- ОР РГБ** – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
- ОР РНБ** – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
- Панаев, 1903** – Панаев В.А. Воспоминания В.А. Панаева // *Русская старина*. 1903. Т. 113. С. 149-164.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Рябинин, 1866** – Рябинин А.Д. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Уральское казачье войско. Часть 1. СПб., 1866. 528 с.
- Сандр, 1905** – Сандр. Уральцы в Туркестанском крае // *Русское богатство*. 1905. № 6. С. 1-35.
- По поводу открытий...**, 1861a – Ст. По поводу открытий комитетов для пересмотра положений в казачьих войсках // *Военный сборник*. 1861. № 1. С. 201-210.
- По поводу открытий...**, 1861b – Ст. По поводу открытий комитетов для пересмотра положений в казачьих войсках // *Военный сборник*. 1861. № 2. С. 423-432.
- Столетие...**, 1902 – Столетие военного министерства. 1802-1902. Т. XI. Ч. 1. СПб., 1902. 973 с.
- Ягудина, 2019** – Ягудина О.В. Борьба с расколом в среде уральского казачества при наказном атамане А.Д. Столыпине // *Манускрипт*. 2019. Т. 12. № 6. С. 90-94.
- Volvenko, 2018** – Volvenko A.A. Interim Committee on Revision of the Cossack Statutes: Organization, Structure, Activity (1865-1872) // *Bylye Gody*. 2018. № 47 (1). Pp. 280-291.
- Volvenko, 2015a** – Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // *Russkaya Starina*. 2015. Vol. 13. Is. 1. Pp. 19-37.

[Volvenko, 2015b](#) – *Volvenko A.A.* Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // *Russkaya Starina*. 2015. Vol. 14. Is. 2. Pp. 94-107.

[Volvenko, 2015c](#) – *Volvenko A.A.* Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III // *Russkaya Starina*. 2015. Vol. 15. Is. 3. Pp. 194-207.

References

[Ageeva, Danilko, 2016](#) – *Ageeva, E.A., Danilko, E.S.* (2016). Kazaki-ural'tsy – etnolokal'naya gruppа russkikh v Srednei Azii i Kazakhstane [Ural Cossacks – an etholocal group of Russians in Middle Asia and Kazakhstan]. M., 32 p. [in Russian]

[Borodin, 1910](#) – *Borodin, N.A.* (1910) Iosif Ignat'evich Zheleznov. Biograficheskii ocherk [Iosif Ignat'evich Zheleznov. Biographical essay]. *Polnoe sobranie sochinenii I.I. Zheleznova*. T. I. SPb., pp. I-LXXIV. [in Russian]

[Geins, 1898](#) – *Geins, A.K.* (1898). Dnevnik 1866 goda. Puteshestvie v Turkestan [The diary of year 1866. A journey to Turkestan]. *Sobranie literaturnykh trudov*. T. II. SPb, 741 p. [in Russian]

[Izyumov, 1996](#) – *Izyumov, A.I.* (1996). Ataman, reformator i prosvetitel' [Ataman, reformer and enlightener]. *Voенno-istoricheskii zhurnal*. 5: 93-96. [in Russian]

[Karasev, 1900](#) – *Karasev, A.A.* (1900). Bunt na Donu v 1862–1863 godakh [Riot in Don of years 1862-1863]. *Istoricheskii vestnik*. 80: 167-174. [in Russian]

[Kolychev, 2008](#) – *Kolychev, S.V.* (2008). Voенno-grazhdanskіe reformy Aleksandra II v Ural'skom kazach'em voiske v 1874-1877 gg. i ikh posledstviya: Diss. ... kand. istor. nauk. [Military-civil reforms of Alexander II in the Ural Cossack Host in 1874-1877 yy. and their consequences: Diss. ... Candidate of Sciences (History)]. M., 215 p. [in Russian]

[Malukalo, 2003](#) – *Malukalo, A.N.* (2003). Kubanskoe kazach'e voisko v 1860-1914 gg.: organizatsiya, sistema upravleniya i funktsionirovaniya, sotsial'no-ekonomicheskii status [Kuban Cossack Host in 1860-1914 yy.: organization, system of government and functioning, socio-economic status]. Krasnodar, 216 p. [in Russian]

[Milyutin, 1999](#) – *Milyutin, D.A.* (1999). Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina [Memories of General-Field Marshal count Dmitry Alekseevich Milyutin] 1860-1862. M., 559 p. [in Russian]

[OR RGB](#) – Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki [Department of manuscripts of Russian state library].

[OR RNB](#) – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [Department of manuscripts of Russian national library].

[Panaev, 1903](#) – *Panaev, V.A.* (1903). Vospominaniya V.A. Panaeva [Memories of V.A. Panaev]. *Russkaya starina*. 113: 149-164. [in Russian]

[Po povodu otkrytii..., 1861a](#) – (1861). St. Po povodu otkrytii komitetov dlya peresmotra polozhenii v kazach'ikh voiskakh [Paper apropos of opening the comities for revising regulations in Cossack Hosts]. *Voенnyi sbornik*. 1: 201-210. [in Russian]

[Po povodu otkrytii..., 1861b](#) – St. Po povodu otkrytii komitetov dlya peresmotra polozhenii v kazach'ikh voiskakh [Paper apropos of opening the comities for revising regulations in Cossack Hosts]. *Voенnyi sbornik*. 1861. 2: 423-432. [in Russian]

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi voенno-istoricheskii arkhiv [Russian state military and historical archive].

[RGVIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

[Ryabinin, 1866](#) – *Ryabinin, A.D.* (1866). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Ural'skoe kazach'e voisko. Chast' 1 [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Ural Cossack Host. Part 1.]. SPb., 528 p. [in Russian]

[Sandr, 1905](#) – *Sandr* (1905). Ural'tsy v Turkestarskom krae [Ural people in the Turkistan region]. *Russkoe bogatstvo*. 6: 1-35. [in Russian]

[Stoletie..., 1902](#) – Stoletie voennogo ministerstva. 1802-1902 [Century of the Ministry of War of 1802-1902]. T. XI. P. 1. SPb., 1902. 973 p. [in Russian]

[Vitevskii, 1878](#) – *Vitevskii, V.N.* (1878). Raskol v Ural'skom voiske i otnoshenie k nemu dukhovnoi i voennograzhdanskoi vlasti v XVIII i XIX v. [Split in Ural Host and attitude towards it of ecclesiastical and military-civil authority in XVIII and XIX centuries]. Kazan, 236 p. [in Russian]

Volvenko, 2006 – Volvenko, A.A. (2006). Nerealizovannyi proekt Polozheniya o voiske Donskom [Unrealized project of Regulation on the Don Host]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 1: 20-24. [in Russian]

Volvenko, 2014 – Volvenko, A.A. (2014). Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoi politike epokhi «Velikikh reform». (1860-1870 gg.) [Don Cossackdom in government policy of the era of «Great Reforms». (1860-1870 yy.)]. *Izvestiya Samarskogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. 16(3): 12-20. [in Russian]

Volvenko, 2015a – Volvenko, A.A. (2015). Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I. *Russkaya Starina*. 13(1): 19-37.

Volvenko, 2015b – Volvenko, A.A. (2015). Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II. *Russkaya Starina*. 14(2): 94-107.

Volvenko, 2015c – Volvenko, A.A. (2015). Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III. *Russkaya Starina*. 15(3): 194-207.

Volvenko, 2016 – Volvenko, A.A. (2016). Kontseptsiya voiskovogo (nesluzhilogo) grazhdanina: zamysly i praktika (1860–1870-ye gg.) [The concept of Host (unserving) citizen: intentions and practice (1860-1870 yy.)]. *Primo Aspectu*. 4(28): 68-71. [in Russian]

Volvenko, 2018 – Volvenko, A.A. (2018). Interim Committee on Revision of the Cossack Statutes: Organization, Structure, Activity (1865-1872). *Bylye Gody*. 47(1): 280-291.

Yagudina, 2019 – Yagudina, O.V. (2019). Bor'ba s raskolom v srede ural'skogo kazachestva pri nakaznom atamane A.D. Stolypine [A fight against the splitting amidst Ural Cossackdom under mandated ataman A.D. Stolypin]. *Manuskript*. 12(6): 90-94. [in Russian]

Zametka..., 1861 – Zametka po povodu stat'i o kazachestve [A note on the paper about Cossackdom]. *Voennyi sbornik*. 1861. 2: 433-444. [in Russian]

Опыт исследования волнений уральских казаков в 1870 гг. в общеказачьем контексте

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Волнения 1870 гг. в Уральском казачьем войске неоднократно привлекали внимание исследователей. Однако обычно они рассматривались исключительно с учетом местной специфики и взаимоотношений казаков-уральцев с имперскими властями. Между тем схожие, хотя и меньшие по масштабу волнения имели место в 1860 гг. в Донском Войске. В данной статье предпринимается попытка сравнить процессы, происходившие среди уральских казаков в 1860–1870 гг. с аналогичными процессами в среде донских казаков, а также установить влияние реформаторских замыслов Военного Министерства на эти процессы.

Автор приходит к выводу, что события тех лет на Дону и на Урале развивались не просто по схожим сценариям, но во многом параллельно. Однако самые сильные вспышки недовольства пришлись на разные хронологические промежутки, на 1862–1863 гг. и на 1874–1877 гг. соответственно. Тем не менее, и это объясняется схожей ситуацией, возникавшей именно в эти периоды в администрациях Донского и Уральского казачьих войск: должности атамана и там и там временно исполняли люди, сочувствующие казачьим консерваторам, так называемым «казакоманам».

Ключевые слова: Уральское казачье войско, Донское Войско, старообрядчество, А.Д. Столыпин, П.В. Мартынов.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)